

Лев Толстой

Зараженное семейство

Лев Толстой

Зараженное семейство

«Public Domain»

1864

Толстой Л. Н.

Зараженное семейство / Л. Н. Толстой — «Public Domain», 1864

«...Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома. Перед диваном круглый стол. На столе утренний чай и кофе...»

© Толстой Л. Н., 1864

© Public Domain, 1864

Содержание

Действие первое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Николаевич Толстой

Зараженное семейство

Комедия в пяти действиях

Действие первое

Действующие лица

Иван Михайлович Прибышев, помещик, 50 лет.

Марья Васильевна, жена его, 48 лет.

Любовь Ивановна, дочь их, барышня, 18 лет.

Катерина Матвеевна Дудкина, племянница их, девица 26-ти лет.

Петр Иванович, их сын, гимназист, 15-ти лет.

Марья Исаевна, бывшая няня, теперь экономка, друг дома, из дворовых, 45 лет.

Алексей Павлович Твердынский, молодой человек, живущий на кондичии у Прибышевых, из духовного звания, 22-х лет.

Анатолий Дмитриевич Венеровский, акцизный чиновник, 35 лет.

Приказчик.

Староста.

Лакей.

Мужики.

Действие происходит в имение Прибышевых.

Утро. Гостиная деревенского помещичьего дома. Перед диваном круглый стол. На столе утренний чай и кофе.

Явление первое

**Няня вяжет чулок, разливает чай стоя;
Марья Васильевна сидит у стола, пьет чай.**

Няня. Давайте чашку-то, налью. А то что, право, пить не пьете, только балуетесь. (*Берет чашку.*)

Марья Васильевна (*обиженно*). Постой, няня, я не допила еще. И что кричишь, точно с ребенком, право. Вот теперь налей. (*Подает чашку.*)

Няня. Стоишь, стоишь, стоишь, стоишь. Одиннадцатый час небось, а еще половину господ не перепоила. Вы откушаете – тут старый барин, тут студент с Петрушей придут.

Марья Васильевна. Какой студент? Студент говорится.

Няня. Не люблю я его, неаккуратный человек, за то он у меня студент. Пустой человек.

Марья Васильевна. А мне он жалок, няня.

Няня. Есть чего жалеть. Сказал ли он доброе слово кому, вот второй месяц в доме – только зубы скалит (*передразнивая*). Всех, кажется, пересмеял (с племянницей с вашей; да девкам от него прохода нет.) Нечесанный, а туда же липнет. Я уж Дуняшу научила: как он к тебе станет приставать, ты его по лицу, чтоб с синяком к обеду пришел. Пускай спросят – отчего? Да опять – что ж это? Одевать мы его взялись – что ли? Все постельное белье наше.

Марья Васильевна. Ах, няня – какая ты! Ты подумай – ведь он один, молодой человек, бедный. Я удивляюсь, право, отчего он худой такой?

Няня. Отъестся небось! Придут теперь с Петрушей, напьются; тут Катерина Матвеевна, золото-то наше, с книжкой придет... Отпоишь – ну, слава богу. Только снимешь, опять: кофею! завтракать! тонконогой приедет!

Марья Васильевна. Какие ты все прозванья даешь, няня! Это кто ж тонконогой?

Няня. А Анатолий Дмитрия, жених-то Любочкин...

Марья Васильевна. Как ты глупо говоришь. Отчего ж – жених? Так ездит молодой человек в дом.

Няня. Так вы и думаете, что глупее Марьи, няни, нет никого на свете. Кажется, тридцать лет вверху жимши, пора понимать. Что ж он вашего кофею не видал – что из города-то за семнадцать верст каждый божий день ездит. Нет-с, матушка, Любочкино-то приданое все сосчитал небось, так и ездит.

Марья Васильевна. Вот как ты судишь. Первое дело он не жених, а второе – уж вот кто на деньги не польстится. Анатолий Дмитриевич совсем не такой человек.

Няня. Без денег, матушка, в нынешнем веке никто не возьмет, какая красавица ни будь. Только в женихе корысти немного. Так какой-то немудрененький, по винной части служит, не бог знает что. Да и у людей спрашивала, не хвалят. Первое дело – скуп, другое – бахвал.

Марья Васильевна. Это еще какое слово? Как ты сказала?

Няня. Бахвал, матушка. Это по-нашему значит: я, мол, всех прекрасней, всех умней, и, окромя меня, все дураки.

Марья Васильевна. Вот и неправда. Он ученый, писатель. Да что ты понимаешь!

Няня. Только Любочку мне жалко, совсем-то ей голову вскружили.

Марья Васильевна. Может быть, он вовсе не за Любочкой, а за Катенькой ухаживает. Вот как ты!

Няня. Как же, дуру нашли, так я и поверила. С Катериной-то Матвеевной побаловаться – это так. Еще она как в Петербурге в гувернерках жила, так к нему бегала, а жениться-то небось он знает, за кем деньги дадут, а за кем ничего.

Марья Васильевна. Катенька знакома была с ним в Петербурге. Ты во всем дурное видишь.

Няня. Да уж так, матушка, как в гувернерки пойдут, так и догувернерются. Это верно. Так-то и Катерина Матвеевна.

Марья Васильевна(*смеется и махает руками*). Полно, глупости.

Няня. И то мы примечаем, что во всем доме другие порядки пошли. (*И барин другой стал, посмирнел совсем, и учителя студента взяли заместо немца, и Катерине-то Матвеевне волю дали, и детей всех распустили. Все другое стало, все по-новому пошло!*)

Марья Васильевна. Что ж, и я другая стала? Вот глупа.

Няня. Вы что, вы так, по доброте своей. А вот на барина, так часто дивлюсь... (*Молчит, качает головой и разводит руками.*) Что сделалось? Совсем другой человек. Как вспомнишь прежде-то: был ли день, чтоб Сашка-камердин без битья одел; был ли староста, чтобы в стан не свозили...

Марья Васильевна. Ну, уж ты расскажешь... Разве очень хорошо было? Совсем не очень хорошо.

Няня. Да и не хвалю и не корю. Господа были, уж без этого нельзя. А то удивительно – как можно в пятьдесят лет свой характер переменить... Как эта самая царская бумага... ну там, что на первой неделе-то вышла...

Марья Васильевна. Ну да, манифест, – как ты смешна!

Няня(озлобленно). Ну да, та самая, чтоб дворовых за службу под мост со двора согнать, как вам не знать! Ну, да бог с ними! что бишь я говорила. С той поры и перемена пошла. Пуще всего как при Анатолии Дмитриевиче, – послушала я наемни – даже мерзко. Уж вы извините меня, матушка, я правду всегда скажу. В пятьдесят лет характер нельзя переменить. А только важности своей потеряли. Ведь только показать себя хочет, а характер все тот же. Наемни, кого ж – Кирюшку Деева, мужика, стал при Анатолии Дмитрииче ублажать: «вы», говорит, – это Кирюшке-то, – «хотите работать, так приходите». Послушала я: что такое? Точно принцу какому-нибудь. Плюнула даже.

Явление второе

Те же и Катерина Матвеевна.

Няня. Вишь, красавица, как убралась!

Катерина Матвеевна(стриженная, в очках, в коротком платье, с книжкой журнала под мышкой. Не кланяясь садится за стол, облакачивается, вынимает папироску и начинает читать. С особенной учтивостью к няне). Позвольте вас попросить чаю, Марья Исаевна.

Няня подает ей чай в стакане.

Няня. Сейчас, сударыня, сейчас-с. (В сторону.) Уж вподробно всех удивила. Нет и того, чтоб тетке «бонжур» сказать. Все от ума большого.

Марья Васильевна. А мы с няней говорили об Анатолии Дмитриевиче. Она говорит, он за Любочкой ухаживает, а я говорю – за тобой, Катенька. Comment croyez-vous? Как ты думаешь? Она уж его женихом называет.

Катерина Матвеевна(поднимает глаза с книги; строго и жестом дополняя слова). Венеровский по своему развитию и воззрениям на жизнь стоит до такой степени вразрез с пошлостью нашей жизни, что нам трудно судить о нем.

Марья Васильевна. Ты думаешь, он не женится?

Катерина Матвеевна. Позвольте! Этот господин женится только в том случае, ежели найдет женщину, вполне понявшую свое назначение, свободную в жизни и в мысли.

Марья Васильевна. Non, mais dites. Да ты скажи, в ком он ищет, в тебе или в Любочке? Вот я с няней говорила, она такая дура, я так смеялась...

Катерина Матвеевна. Нянюшка Марья Исаевна старше вас и говорит вам «вы», а вы ей говорите «ты» с присовокуплением «дура»... Я считаю это оскорблением достоинства и свободы человека и в силу этого убеждения нахожу нужным выразить вам свою мысль. Я знаю, что вы вправе иметь свои убеждения, но меня это коробит и возмущает.

Няня(насмешливо). Вот спасибо, что заступились. (Обращаясь к Марье Васильевне.) А то ведь вы рады из живого жилы вытянуть. Злодейка известная...

Марья Васильевна. Нет, что, Катенька, je plaisante,

Катерина Матвеевна. Как вам сказать мое мнение? (Откидывает волосы и закуривает папироску.) Во мне он, – как вы, так сказать, фигурно выражаетесь, – не может и-и-искать. Я поставила себя на ту ногу свободной женщины, что я к нему, как и ко всякому существу без

различия пола и звания, отношусь просто. Я нахожу его умным и современным человеком, и он, естественно, вставляет в свои отношения ко мне ту долю уважения и сочувствия, которые, так сказать... словом сказать, мы с ним в простых и хороших отношениях взаимного уважения, и он находит отдых со мной после всего ничтожества женской губернской аристократической черни, среди которой он должен вращаться. Но почему вы думаете, как вы фигурно выражаетесь, что он ищет в Любовь Ивановне – я не могу себе отдать отчета. Любовь – женщина слишком недоразвитая, даже просто совсем не развитая девочка, с которой такая личность, как Венеровский, не может иметь ничего общего. Я с ним ровня, а Люба – дитя.

Марья Васильевна. Вот видишь, няня! как Катенька судит.

Няня. А что ж, матушка, Катерина Матвеевна, мы глупы, вы растолкуйте: что ж он так все и будет ездить?

Катерина Матвеевна. Отчего ж ему перестать ездить?

Няня. А оттого, что за это ихнего брата школят. По-старому так было. Коли в дом ездил, где две барышни-невесты, так открой, какую сватаешь, – а нет, так на это клупы есть, чтоб ездить. Сколько хочешь и ездит.

Катерина Матвеевна. Вы меня не можете понять, Марья Исаевна. Я вам сказала, что он ездит ко мне: мы испытаем друг друга и ежели найдем...

Няня. А по моему глупому суждению, Катерина Матвеевна, матушка, он испытывать ничего не станет. Любовь Ивановна – барышня молоденькая, хорошенькая, да за ней пятьсот душ. А вы все и постарше, и на тридцать душ он не польстится... Студент – вот это так.

Катерина Матвеевна(горячо). Позвольте, позвольте. Студент молод и недоразвит для меня. Позвольте: другая женщина на моем месте могла бы оскорбиться, но я выше этого. Любовь Ивановна ему не по плечу с своими детскими требованиями от жизни; это он сознает и сам мне высказывал неоднократно. Это одно. А другое то, что вы смотрите на дело с ложной точки зрения. Вы меня не поймете, но я все-таки выскажусь и постараюсь говорить проще. Для людей нашего закала средства к жизни допускаются только те, которые приобретены личным и честным трудом; и поверьте, люди нашего времени смотрят на все эти именья, как только на ложную связь с устарелыми формами жизни. Для Венеровского все равно, будет ли у меня миллион или ничего, ежели только взгляды наши на жизнь тожественны. Ежели они тожественны, то мы можем смело вступить в борьбу.

Няня. Да вот не станет за вас, а за Любовь Ивановну посватается. Вот как пятьсот душ, так ему тожественно очень, а тридцать душ, так не тожественно совсем.

Катерина Матвеевна(озлобленно). Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вы говорите, что у меня тридцать душ. Позвольте вам сказать, что благодаря просвещению ни у кого уже теперь душ нет, а у меня никогда не было. Я отреклась от своих прав, в тот же час, как стала совершеннолетней, и на мне не лежит позорное клеймо крепостного права.

Няня. А все вас не возьмет и Любочку сватать будет, потому...

Марья Васильевна(испуганно). Полно, няня, какая ты. Ведь ты хоть кого из себя выведешь.

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте, очень хорошо. Вам кажется все это трудным и запутанным, у вас в понятиях суженые и власть божия, и тому подобное, а жизнь людей, ставших выше общественной паутины предрассудков, – очень проста. Я выскажу ему свои воззрения и потребую той искренности, которая лежит в основании всех побуждений честной личности.

Няня. Эх, Катерина Матвеевна, матушка! У Любовь Ивановны пятьсот душ, да еще влюбится.

Катерина Матвеевна(совсем растерянная). Отчего же он в неразвитую, ничтожную девочку влюбится, а в меня не влюбится?

Няня. Отчего-с? А вот отчего, матушка, – от козла.

Катерина Матвеевна (*опоминаясь и откидывая волоса*). Нет, да что я! Любовь, как вы понимаете ее, есть плотское влечение, и вы слишком неразвиты и животны, чтобы понимать меня. Пожалуйста, я вас прошу, оставьте меня. (*Облокачивается и читает.*)

Марья Васильевна. Поди, поди, няня, уж я сама залью чай, коли кто придет.

Няня (*уходя*). Всех осрамила. Все животные. Тридцать лет служу, никто животным не называл...

Катерина Матвеевна (*поднимает голову от книги*). Позвольте, любовь есть честное побуждение только тогда, когда обе стороны равноправны, но вы не понимаете этого. (*Молчание. Поднимая голову.*) Марья Васильевна, я не уважаю эту женщину. (*Опять читает.*)

Явление третье

Входит Иван Михайлович.

Иван Михайлович. Что это, кого ты не уважаешь?

Марья Васильевна. Няня все глупости говорит.

Иван Михайлович. О! Это яд такой! А баба хорошая. (*Садится к столу.*) Ну, Марья Васильевна, давай чаю. С пяти часов в поле, двух лошадей заездил. Ну, да зато наладил. Вот-те и толкуй, что нельзя с вольными работниками. Все можно, как сам везде, да себя не жалеешь. Вчера еще половина поля не пахана, покосы не кошены и нет ни одного работника. Как взялся – своих уговорил, вольных нанял, работникам ведро обещал. Посмотри нынче – кипит... Василий приказчиком так хорош, такой-этакой распорядительный, славный, славный.

Катерина Матвеевна. Вольный труд не может быть убыточен, это противно всем основным законам политической экономии.

Иван Михайлович. Все это так, да не так. Вот я бы вас с Анатолием-то Дмитриевичем запряг бы в эту работу. Вы бы не то заговорили.

Марья Васильевна. Dites-moi, mon cher Jean, как же ты говоришь все, что от вольной лучше стало? Как же лучше, когда они все ушли?

Иван Михайлович. Э! Да это дворовые.

Марья Васильевна. Дворовые, я знаю, это само собой, да и мужики теперь после грамоты уже не работают. Что же тут хорошего, я не пойму.

Иван Михайлович. Сто не сто, а раз пятьдесят я тебе уже толковал, что по Уставной грамоте они положенные дни работают, а не все. В этом-то и сила.

Марья Васильевна. Как же говорили, что совсем перестали работать? Намедни все говорили, что их послали, а они не пошли. Я этого не пойму, Jean.

Иван Михайлович. Если бы вовсе не работали, так нам бы есть давно нечего было. Меньше работают. Ну, да зато все в формах законности, а не произвола. Ну, да не поймешь.

Марья Васильевна. Так что же хорошего, что меньше работают? Это не хорошо, значит, сделано. Да ты не сердись, ne vous fachez pas, уж я не пойму.

Иван Михайлович. Что же мне сердиться, ведь это, видно, такая судьба, что ты ничего не понимаешь. (*Берет чай и задумывается.*) А Люба где?

Марья Васильевна. Она рано за грибами ушла с девочками.

Иван Михайлович. А Анатолий Дмитриевич еще не приезжал и не присылал?

Марья Васильевна. Нет еще. Что, Jean, я тебе хотела сказать. Я слышала, что Анатолий Дмитриевич veut faire la proposition а Люба, хочет Любочке свататься... Как это называется.

Иван Михайлович. От кого ты слышала?

Марья Васильевна. On dit. Да говорят.

Иван Михайлович. Кто говорит? В четырех стенах сидишь, кто может говорить. Ну что ж, что говорят.

Марья Васильевна. Я знаю, ты меня ни во что считаешь. Только я слышала, что он нехороший человек. Какая же это служба по винной части! Да и главное – бахвал; я тебя прошу, Жан, ты об этом подумай.

Иван Михайлович. Ведь что в эту голову не втемяшится! И откуда слов таких набралась. Нет, ты уже, матушка, эти глупости оставь. Что за бахвал, и откуда ты это дурацкое слово взяла.

Марья Васильевна. Да так все говорят.

Иван Михайлович. Чего не взбрдет в эту башку! Это кто тебе наврал? Эх, матушка, не нам с тобой судить про этого человека. Я не знаю отца, который бы за честь себе не почел родство с таким человеком. Да и терпеть не могу загадывать и сватать. Какой бы он ни был. Власть божия, а нам толковать нечего. Человек замечательный, писатель. И, уж верно, не на деньгах женится. Это верно.

Марья Васильевна. Никто не говорил. J'ai mon opinion, у меня свое мнение.

Иван Михайлович. Ну, слушай же: первое дело, Анатолий Дмитриевич человек современный, передовой, огромного ума, образования, писатель, человек, которого вся Россия знает, может быть. Это, матушка, в нынешнее время лучше генеральских чинов. Потом, служба у него прекрасная, честная. По новому акцизному управлению, две тысячи жалованья. А захоти он только – такому человеку все открыто. Другое дело то, что в нем и странности, и все – не светский он человек, но уж знаешь, по крайней мере, что бескорыстнейший человек. Этот человек женится, так не на деньгах. С ним всякая девушка будет счастлива, хоть бы у ней ничего не было.

Марья Васильевна. А говорят, что он скуп.

Иван Михайлович. Ну, понесла! Я тебе говорю, бескорыстнейший человек. Уж это доказано.

Марья Васильевна. А говорят, он все и приданое сосчитал.

Иван Михайлович. Катенька, хоть ты бы объяснила ей, что Анатолий Дмитрич не такой человек.

Катерина Матвеевна. Марья Васильевна с Марьей Исаевной имеют свои убеждения. Для меня странно только то, на каком основании можно обвинять в гнуснейших замыслах человека, не давшего на то никакого права. Этот господин всей жизнью своей доказывает, что цель его есть только общее дело. Ежели бы этот господин вздумал соединиться с женщиной, то он первым условием поставил бы независимость, как личную, так и имущественную.

Иван Михайлович(*задумывается. Молчание*). Да, хоть и трудно нашему брату, старику, переменить старинные привычки, и много увлеченья, легкомыслия в молодежи, а нельзя не отдать справедливости новому поколению. Да.

Катерина Матвеевна(*отрываясь от книги*). Из всего, что вы сказали, в этом одном я разделяю ваше убеждение. Прогресс неудержимо вносит свет в самые закоснелые условия жизни.

Иван Михайлович(*помолчав немного*). Да, вольный труд идет, идет. Трудно с работниками. Ну, да ничего, наладится... Вот, дай выкуп сделаю, разделаюсь совсем с мужиками, останутся одни землевладельческие отношения. И право, хорошо, да.

Марья Васильевна. Что же это выкуп лучше будет, Жан? Это бы уж лучше.

Иван Михайлович. Лучше не лучше, а надо. Вон Катенька с Анатолием Дмитричем считают меня и консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему. Прорвется старое – нельзя, а сочувствую. Вон молодое поколение-то наше растет. И Любочка замуж выйдет за этого ли, за другого, а не за нашего брата, а за нового современного человека, и Петруша уже

растет не в тех понятиях. Что же, мне не врагом же быть своих детей! Где он, Петя-то? С учителем, верно?

Марья Васильевна. На озеро пошли, какие-то травы ловить хотели. Я не поняла. Я уж боюсь, как бы не утонули. *Vraiment, je crains.*

Иван Михайлович. Какие травы ловить?

Катерина Матвеевна. Алексей Павлыч говорил, что они хотели делать исследования над организациями волокон водорослей.

Иван Михайлович. Ну вот, век-то! Разве я мальчишкой имел понятие об этом, а нынче вон, мальчишка, а уж естественные науки... и все. Нет, этот студент удался славный. Спасибо Анатолию Дмитричу, рекомендовал. Славный студент, этакой спок... мил... славный, славный. Эй, Сашка! Трубку! *(К Катерине Матвеевне.)* По привычке мы! Ну, Александр Василич.

Входит Сашка с трубкой.

Марья Васильевна*(вдруг сердится)*. Да, тебе все хорошие, только жена не хороша! А что ж белья у него ничего нет? Няня все постельное белье приезжее отдала, а придет кто, и нечего постелить. Что ж это в одном сюртучке – ничего нет. Я своих простынь не отдам. Вот ты как судишь!

Иван Михайлович. Ну, понесла. Полно, пожалуйста, скажи няне, она устроит, я человеку рад, что дельный малый.

Марья Васильевна. Что ж дельный, я-то в чем виновата? приехал без ничего и всего требует. Выдумал теперь молоко пить – и Дуняша жаловалась. Ты должен смотреть. Что ж он за учитель, коли у него белья нет.

Иван Михайлович. Ну, зарядила... Должна бога благодарить, что он послал нам такого человека, а ежели нет у него белья и он беден, так ему надо дать.

Марья Васильевна. Вот ты меня никогда не понимаешь, а все напротив. Я говорю, что ты все непорядок делаешь, а мне его жалко больше тебя: как он первый раз за столом есть стал, так мне его жалко стало! Я ему и рубашек ночных послала, и карпеток связать велела. Я хоть и глупа, но понимаю, что если он нашего сына учитель, так он в доме первый человек. Я ему ничего не жалею. Я говорю только, ты устрой все порядком. Вот сколько раз я просила столяра у стола ножку починить...

Иван Михайлович. Ну, полно, матушка, перестань ты, ради самого Христа!

Явление четвертое

Те же и студент.

Студент*(входя, коротко кланяется)*. Позвольте-ка чаю. *(Садится подле Катерины Матвеевны.)*

Марья Васильевна. Чего вам, Алексей Павлович? чаю или кофию, с белым хлебом и с маслом, чего хотите. *(Придвигает все к нему.)*

Студент. Все равно. Ну, хоть чаю давайте.

Иван Михайлович. А Петруша где?

Студент. Шествует. Он брюки меняет, измок.

Иван Михайлович. Что ж это вы делали?

Студент. Хотели заняться ботаникой, да [не] вытанцевалось. А рыболовство учиняли.

Иван Михайлович. А Катенька говорила, что вы хотели что-то исследовать из естественных наук...

Студент. Хотели, да не вытанцевалось, микроскопа не имелось.

Марья Васильевна. С белым хлебом хотите, кушайте.

Студент(к Катерине Матвеевне). Вы какое такое душеусладительное чтение производите. *(Берет у нее книгу.)* А, физиологию – статья добрая, только слишком конспектная. Вот Льюиса поизучайте. Да еще превращение ячейки – забыл чье, не вредная статейка.

Марья Васильевна. Что это ячейки, так и называется? Вы лейте больше сливок, еще принесут. Катенька, ты тоже знаешь ячейки?

Катерина Матвеевна. Все органическое существует только в силу развития ячеек.

Студент(к Катерине Матвеевне). Что вы вотще учиняете толкования, ведь для этого надо хоть элементарные познания иметь.

Иван Михайлович. Я читал про ячейки. Только скажите, Алексей Павлыч, вот в хлебе можно видеть их?

Студент. Коли бы не видели, и не говорили бы и не изучали бы. В микроскоп видно.

Иван Михайлович. А дорого стоит микроскоп?

Студент. Дрянный дешево приобрести можно. У Анатолия Дмитриевича есть, стоит триста шестьдесят франков, а в университете пятнадцать тысяч.

Иван Михайлович. Да, купить надо. *(Садится с женой с одной стороны, а студент с Катериной Матвеевной с другой стороны. Иван Михайлович молча курит.)*

Катерина Матвеевна. Немного вы опоздали, здесь была опять возмутительная сцена, истинно плантаторская.

Студент. Что ж, надо им потешаться над себе подобными. Больше ведь ничего не умеют... А мне, доложу вам, наскучило здесь, хочу уехать, на кандидата держать.

Катерина Матвеевна. А мое воззрение другое, – я нахожу, что чем грубее та среда, в которой приводится работать, тем больше нужно энергии. Потому что в силу чего могут измениться эти уродливые отношения, как не в силу тех идей и заложений, которые мы внесем в них. Я сознаю свое влияние над этими людьми и усиленно употребляю его. И вы призваны облагородить еще свежую личность Петра. Он с своей стороны тоже вносит идеи в эту мертвящую среду. Вот Анатолий Дмитрич так же судит.

Студент. Ну их к богу! В грязи сам замараешься. Зуботыковы пускай сами по себе услаждаются, и мы сами по себе. На каждом шагу ведь не станешь протестовать, а только чувствуешь, что слабеет негодование. Мужики вон пашут с четырех часов, а тут до двенадцати чай пьют. Ведь как же с этим помириться?

Катерина Матвеевна. Конечно, но все надо делать уступки. Посмотрите на Венеровского, как он, вращаясь в самом отсталом кругу по своей службе, в сущности, ничего не уступает и все проводит идеи.

Студент. Что Венеровский! Я не могу уважать человека, который служит. Акцизные либералишки!

Катерина Матвеевна. Позвольте, позвольте! В этом мы с вами никогда не дотолкуемся до единства мысли. Венеровский замечательная личность. Посмотрите, вся его деятельность – школы, публичные лекции.

Студент. Что ж, я могу и наложить печать молчанья на уста.

Катерина Матвеевна. А мне смешно вспомнить, как нынче [со] старухами мы говорили о нем. Как эти люди-то понимают людей нашего закала! Можете вообразить, что в их понятии он ездит сюда только для того, чтоб жениться на Любовью Ивановне, или на ее приданом, как они это объясняют.

Студент. А что ж, от сего почтенного синьора всякая мерзость произойти может.

Катерина Матвеевна. Твердынский, не говорите так, иначе мы разойдемся... Венеровскому жениться! и на ком же!

Студент. Что ж, я вам выскажусь. Любовь Ивановна девица не вредная. В ней есть задаточки. И попадись она человеку свежему, чистому и с энергией, из ее натурки вышла бы почтенная особа. Только ей нужен молодой, честный руководитель.

Катерина Матвеевна. Только как недоразвита!

Студент. Ну да что ж, доразвилась бы.

Катерина Матвеевна(*подумавши*). Да, пожалуй, я схожусь в этом воззрении с вами. Вы именно тот господин, который бы мог успешно воздействовать [на] ее личность.

Студент. Не будь она в этой подлой среде, из неё бы можно сделать почтенную девицу.

Явление пятое

Входит Петруша, мальчик лет 15, в гимназическом вицмундире.

Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофею?

Петруша. Здравствуй, мать. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, вели дать завтракать. Здравствуй, отец.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься, будь, пожалуйста, попроще...

Петруша. Напрасно ты думаешь, что я ломаюсь. Здравствуй, отец, я говорю.

Иван Михайлович. Что ты, с ума сошел? Что новое выдумываешь! Как здоровался, так и здоровайся, разве, ты думаешь, в этом образовании? Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. С какой целью?

Иван Михайлович(*строго*). Я тебе говорю.

Петруша. На какой конец? Разве что-нибудь произойдет от того, что я буду прикладывать оконечности моих губ к внешней части кисти матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю, целуй руку.

Петруша. Это противно моим убеждениям.

Иван Михайлович. Что?!

Петруша. Мы говорили об этом с Алексеем Павловичем, и мне очень стало ясно, что это только глупый предрассудок.

Иван Михайлович. Смотри, брат!

Петруша. Да это ничего, отец, я ведь от этого не изменю свой взгляд на тебя и на мать. Буду или не буду я целовать ваши руки, я буду иметь к вам обоим на столько-то уважения, на сколько вы его заслуживаете.

Иван Михайлович. Послушай наконец. Все это хорошо, и новые убеждения, и все, да надобно честь знать, и первое правило спокон века было уважать старших. Поди поцелуй руку. (*Привстает.*) Ну!

Студент. Тут, кажется, учинится скандал почтенный!

Петруша(*робея*). Разумеется, принудить вы можете. Но свободные отношения человека...

Иван Михайлович. Ну! ну!

Петруша(*целует руку, тихо*). Достоинство человека...

Марья Васильевна. А ты, Петя, слушайся. Что ж тебе яичницу или ливерок сделать? Я велю. Няня, Пете завтракать.

Иван Михайлович. Алексей Павлович, гм... гм... хоть и... вы меня извините, но... позвольте вам сказать, что я просил вас заниматься с моим сыном науками, а никак не учить

его обращению с родителями. У нас есть свои и, может быть, странные и не современные привычки. Но я бы вас просил не вмешиваться в это.

Студент. Гм... хе... хе... ну-с.

Иван Михайлович. Ну-с и больше ничего. Что ячеекам – учите, а в обращение сына с нами прошу не вмешиваться и не внушать.

Студент. Мне довольно странно слышать замечания. Что вы хотите сказать?

Иван Михайлович. А то хочу сказать, чтоб сын не говорил мне этот вздор, вот и все.

Студент. Что же, можно его посечь-с.

Иван Михайлович. Послушайте, не выводите меня из себя.

Студент*(робея)*. Я очень понимаю... но, поверьте, что я не поставлю себя... однако вы желали, чтоб я развивал вашего сына. Я, я... очень... Не могу же я скрывать от него своих воззрений.

Катерина Матвеевна. Довольно странно Алексею Павловичу умалчивать или игнорировать, так сказать, выводы науки.

Петруша. Я могу иметь сам свои убеждения.

Студент. Тем более, что жизнь имеет свои права, и предрассудки не выдерживают критики разума и науки.

Катерина Матвеевна. Особенно при том громадном шаге, который сделали естественные науки, отсталые воззрения не могут иметь места.

Иван Михайлович. Ну, хорошо, хорошо. Не будем говорить. Я прошу сына делать, как я хочу, вот и все. *(Помолчав немного, к студенту.)* Я вас не оскорбил, Алексей Павлович?

Студент. Я слишком ценю свое достоинство, чтоб считать себя оскорбленным. Нам пора заниматься. Прибышев-младший, шествуйте.

Петруша. Нет, я есть хочу.

Входит Сашка с блюдом.

Студент. Ну, посидим, и попитаться можно. *(Придвигается к завтраку.)*

Явление шестое

Любочка в подобранном платье, в соломенной шляпке, с корзиной грибов вбегает, и за нею две девочки.

Любочка. Мамаша, душечка, ведь я не одна пришла!

Марья Васильевна. Кто же с тобою?

Иван Михайлович. С кем же?

Любочка. А вот угадайте! С Анатолием Дмитриевичем. Я иду с девочками, а он едет, и пошел со мной. Какие мы два белых гриба нашли – знаете, под дворовыми, в канавке. Чудо! такие прелести! А Анатолий Дмитриевич ничего не видит, только один мухомор нашел. Посмотрите, какие душки! Катенька, посмотри. Машка, у тебя, дай сюда. *(Берет корзинку у девочки и достает грибы.)* А березовиков-то, Сашка, посмотри, сколько! А ты говорил – нету в березовой аллее! Папаша, видел?

Иван Михайлович. Да где же Анатолий Дмитриевич?

Любочка. Он отчищается, упал на коленки, запачкался. У него белые. Папаша, какие у нас с ним разговоры были, ужас! Ну да после я тебе одному скажу.

Иван Михайлович. Что ж такое? Что?

Любочка. Очень важное, да теперь никак нельзя сказать, – до меня касается...

Иван Михайлович. Однако ты не совсем хорошо делаешь, что так ходишь по лесам одна с молодым человеком... Положим... но все-таки.

Любочка. Вот отсталое воззрение! Катенька, правда?

Иван Михайлович. Ну и ты туда ж! Ну-ка, поди сюда, расскажи. Какие такие важные разговоры были?

Любочка. Теперь никак нельзя. Погоди, узнаешь. Нет, ты посмотри, мамаша, что за душки. (*Подпирается и петушится, представляя гриб.*) Точно наш учитель, помнишь, Карл Карлыч? – маленький, толстенький. Ах, как мне нынче весело! Сашка, завтра пойдем с тобой ра-а-ано.

Марья Васильевна. Что ж, хочешь чаю, кофею с белым хлебом?

Любочка. Ну, ты удивишься, папа, об чем мы говорили. И ты тоже, Катя, и ты... и вы удивитесь, Алексей Павлович. Петруша, дай мне, что ты ешь? (*Выдергивает у него вилку и кладет кусок в рот.*)

Петруша усердно ест.

Катерина Матвеевна (*к студенту*). И это ровня Анатолию Дмитриевичу? Что за неразвитость.

Студент. А все по наружности и физиогномии девица почтенная и незловредная.

Любочка. Мамаша, можно им дать по куску? (*Указывает на девочек и дает им по куску белого хлеба и сахара.*) А завтра приходите опять ра...а...ано.

Марья Васильевна (*подает ей чаю*). На, кушай, со сливками.

Любочка. Мне и есть не хочется, я у Машки ваяла корочку-загибочку, такая вкусная, чудо! (*Садится за стол и тотчас же встает.*) Я забыла тебя поцеловать, папа. (*Целует.*) Гриб ты мой белый! Об чем вы спорили, как я вошла?

Иван Михайлович. А вот брат твой выдумал, что целовать отца не надо, надо сказать: здравствуй, отец! здравствуй, мать!

Петруша (*пережевывая*). Я не выдумал, а пришел к этому убеждению.

Любочка. Ха, ха, ха! Вот глупости! Они все по-новому выдумывают.

Иван Михайлович. А ты по-новому с молодыми людьми гулять одной?

Любочка. Цыц! На меня не нападать! Я нарочно пойду с молодым человеком. Алексей Павлович, пойдем-те-ка за грибами завтра.

Студент. Что же, это учинить можно.

Любочка. Да нет, мне нельзя будет.

Марья Васильевна (*к студенту*). Вы яичницы не хотите ли?

Студент. Нет, не хочу, сыт-с. Ну-с, Прибышев-младший, упитались? Шествуйте.

Студент и Петруша уходят.

Явление седьмое

Те же и приказчик.

Иван Михайлович. Гм... Еще что?

Приказчик. На Каменном не косят.

Иван Михайлович. Как так? А вольные?

Приказчик. Наши мужики согнали; у них там драка вышла. Маторина всего в кровь избили. Он пришел, в конторе дожидается.

Любочка. Я и забыла сказать. Страшный какой, папаша, точно разбойник. Мамаша, я так испугалась.

Иван Михайлович. За что драка?

Приказчик. Вышли косцы, только стали – прибежал Демкин с сволоками, – они тут пахали, – как вы, говорит, смеете в нашего барина угодьях косить! Он нас нанял, говорят. То-то, говорит, вы больно ловки, нам цены сбивать. Вишь, выискались по одному рублю за десятину косить! Он бы нам два дал, как нужда бы пришла, а то бы так лошадьми стравили. И начал лущить. Тут с поля мужики прибежали. Избили в кровь.

Любочка. Вся голова вот так по сих пор в крови. Такой ужасный!

Иван Михайлович. Что ж вы смотрели? Ведь это ваше дело. Что ж староста?

Приказчик. К старшине уехал.

Иван Михайлович. Хорошо, очень хорошо!

Приказчик. Да что, Иван Михалыч, с этим народцем служить никак невозможно-с. Нынче опять ночью две веревки украли. Шиненые колеса было утащили, спасибо, углядел. Сколько раз приказывал запирать – не слушают. А ведь за все я ответить должен. Я, кажется, старался, своей, кажись, крови не жалел. Уж сделайте такую милость – меня увольте.

Иван Михайлович. Что ж ты, братец, однако!

Приказчик. Нет, уж сделайте такую милость, я не могу.

Иван Михайлович. Что вы, шутите, верно? Как же это возможно, в самую рабочую пору.

Приказчик. Воля ваша-с, Иван Михалыч, а я вам не слуга. Старался я, сколько мог. Только грех один с этим народцем. Увольте.

Иван Михайлович. Вот и хозяйничай! (*Ходит в волнение. Останавливается перед приказчиком.*) Свинья ты! Как же вы полагаете, что можно напутать, нагадить да в самую рабочую пору уйти?

Приказчик. Что ж делать!

Иван Михайлович. Вон! Только рук марасть не хочется. Нет, это разбой. Это черт знает что такое! (*Ходит.*)

Марья Васильевна. Ведь я говорила, что они теперь все уйдут.

Любочка. А ты бы, папаша, вольным трудом. Анатолий Дмитриевич говорит, что это лучше.

Иван Михайлович. Ну вас к богу! Мелют, не знают что. Завязать глаза, да бежать! Все раскрыто, развалено, ташут, крадут, никто ничего не работает! Мальчишки старших учат. Все перебесились. Вот те и прогресс!

Катерина Матвеевна. Тут есть, по-моему, причины, глубже коренящиеся в отношениях строя народной жизни.

Иван Михайлович. Отстаньте вы, ради Христа! Что ж, вы останетесь? Я вас прошу остаться. Пойми, что я не могу приискать теперь вдруг другого.

Приказчик. Никак не могу-с, у меня и место есть.

Иван Михайлович(*сердится*). Хорошо, так ты думаешь, что ты так со мной разделаешься? Разбойник! Хорошо. А в стан!

Приказчик. Не смеете-с, нынче уж это прошло время.

Иван Михайлович. А, не смею? (*Схватывает его за шиворот.*)

Марья Васильевна(*вскакивает*). Жан! Иван Михайлович, что ты! Меня пожалей!

Иван Михайлович. Нет, я с тобой разделаюсь по-своему. Пойдем, каналья! (*Ведет к двери.*)

Марья Васильевна и Любочка уходят.

Явление восьмое

Входит Венеровский.

Венеровский. Вот и я явился к вам – руку!

Иван Михайлович. Нет, это невозможно! Что делать?

Венеровский. А у вас что? Житейское? Что ж, хорошее дело. Хе, хе, хе!

Иван Михайлович. Нет никаких средств! вот человек, облагодетельствованный мною, отпущен на волю до манифеста, землю подарил. Управлял именем и теперь вдруг, без всякой причины...

Венеровский. Не хочет продолжать служения, хе-хе! что ж, дело известное. Хотелось бы его побить, помучать, пожечь на тихом огне, да нельзя – что ж делать! Это дурная сторона вольного труда.

Иван Михайлович. Ну, да черт с ним совсем! [*К приказчику.*] Ступайте, сдайте старосте. Я сам приду.

Приказчик уходит.

Венеровский. Ей-богу, вот на вас любуешься, Иван Михалыч. Как вы себя ломаете. Это сила! Да, сила. А еще называют вас ретроградом – хе, хе!

Марья Васильевна. Чаю или кофею хотите со сливками? вот белый хлеб, масло.

Венеровский. Mercі. Ну, а вообще, как вольный труд? Я подъезжал, видел: кипит работа – хе, хе! Идет?

Иван Михайлович. Ах, не спрашивайте! Идет, да вот этикие неприятности. Вы как?

Венеровский. Да мы что – ничего, работаем понемножку. Все это грязь губернская давит, душит. Кое-как боремся.

Иван Михайлович. Ну да, да.

Венеровский. Все подвигаемся, все понемногу; вот вчера школу открыли для детей золотых дел мастеровых. Выхлопотали помещенье, все: кое-как собрали деньжонок по купцам на книги. Идет ничего. Вы приезжайте как-нибудь с Любовью Ивановной посмотреть. Интересно.

Иван Михайлович. Вот ваша деятельность благодарная. Ну, а что, когда ваша другая лекция?

Венеровский. Да все некогда, все служба. Мошенничают очень заводчики. Третьего дня одного поймал. В три тысячи взятку предлагал, хе, хе! Смешные люди, даже и оскорбляться нельзя. Ведь что ж делать: все равно как по-китайски говорят, хе, хе, хе! Вы приезжайте на днях с Любовью Ивановной школу посмотреть. Да, знаете, работаешь, работаешь – оглянешься, все-таки чувствуешь, что хоть сколько-нибудь облагораживается этот губернский круг. Хоть ненавидят, хе, хе, да мне что! Я люблю, как ненавидят. Признак силы, хе, хе! А я так не ненавижу, а презираю.

Иван Михайлович. Да что это в клубе у вас что-то было?

Венеровский. Да там мошенника одного поймали – старшина было хотел стащить деньжонки клубные, но поймали, уличили. Да ведь все больше плуты, хе, хе! Ну вот и радуешься,

как замечаешь, что хоть немного начинают сквозь эти крепкие лбы проходить идеи прогресса, сознание чести и человеческое чувство, хотя немножко. Да, как хотите, а и одна честная личность, и то как много может сделать. Вот на себя посмотрю, что ж мне скромничать, хе, хе!

Иван Михайлович. Ведь как же и винить, какое было воспитанье?

Венеровский. А у меня к вам свое личное дельце есть. (*Отводит в сторону.*) Ведь сколько об общественном деле ни думай, иногда приходится об себе подумать, все-таки эгоистическое чувство [*1 неразоб.*] остается во всяком человеке. Редко это со мной бывает, а вот теперь вышел такой казус... Как сказать, и не знаю! Так отвык, право, заботиться о своих интересах. (*Усмехается.*) Смешно, право...

Иван Михайлович. Да что ж это, уж не денег ли вам нужно? Я всегда готов по средствам моим...

Венеровский. Нет! Ведь я знаю, вы меня не любите, да что делать! Ведь в нас сила. С нами надо посчитаться.

Иван Михайлович. Да что ж наконец, я, кажется, догадываюсь... но это такое дело, в котором...

Венеровский. Ну, а догадываетесь, так дочь дайте мне свою, вот что! Только как можно, пожалуйста, попроще.

Иван Михайлович(*торжественно*). Предложение ваше, Анатолий Дмитриевич, мне приятно. Я был об вас всегда самого лучшего мнения. И теперешний поступок ваш подтверждает все хорошее. Вы поступили, как истинно честный человек. Вы ездили в дом не без цели, не компрометировали девушку; и потом вы, как истинно благородный человек, не позволили себе смущать девушку, а обратились прежде к отцу. Это высоко благородная черта.

Венеровский. Ну, по нашим убеждениям, это иначе немножко, хе, хе. Я уж говорил с Любовью Ивановной. Она, хе, хе! хочет.

Иван Михайлович. Гм... Да... вы знаете... ну да, я согласен...

Венеровский. Согласие Марьи Васильевны, я полагаю... Хе, хе... ну да. Однако только... Вы знаете, я чудак по-вашему, хе, хе! Мне бы неприятны были все эти поздравления, сплетни... Как бы поменьше людей видеть, которых я презираю. Поэтому оставьте все это втайне до времени; все эти церемонии ведь глупы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.